

Леонид МЛЕЧИН

БРЕЖНЕВ

Вожди

Леонид Млечин

Брежнев

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2019

УДК 329.8
ББК 66.3(2)

Млечин Л. М.

Брежнев / Л. М. Млечин — ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ",
2019 — (Вожди)

ISBN 978-5-6042365-6-7

В новой книге известного писателя Леонида Млечина впервые представлена полная политическая биография Л. И. Брежнева, написанная на основе малоизвестных документов и свидетельств соратников генерального секретаря. Политика Брежнева, постепенно устранившего от управления страной всех своих конкурентов, состояла в том, чтобы ничего не менять! Огражденный от реальной жизни партийным аппаратом, цензурой, системой госбезопасности, Брежнев за восемнадцать лет своего правления окончательно загнал страну в тупик. Она неуклонно отставала от быстро развивающегося Запада и погружалась в экономическую депрессию... Книга содержит нецензурную брань

УДК 329.8
ББК 66.3(2)

ISBN 978-5-6042365-6-7

© Млечин Л. М., 2019
© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2019

Содержание

От автора	6
Карьера	10
Детство, отрочество и юность будущего генсека	10
Малая земля	14
Вознесение на олимп. Изгнание. Возвращение	19
На вершине власти есть место только для одного	25
Прощание с «Железным Шуриком»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Леонид Млечин

Брежнев

© Млечин Л., 2019

© АО «Издательский дом «Аргументы недели», 2019

* * *

От автора

Когда в октябре 1964 года к власти в стране пришел Леонид Ильич Брежнев, решительно никто не предполагал, что он будет руководить Советским Союзом восемнадцать лет, до самой смерти.

Часто рассуждают о «раннем» и «позднем» Брежневе: первый сделал много полезного, а второй был просто тяжелобольным человеком, оттого страна впала в застой. Вот если бы Леонид Ильич вовремя ушел, его бы вспоминали с благодарностью и восхищением...

Рассуждения наивные.

Политика Леонида Ильича Брежнева на посту главы партии и государства состояла в том, чтобы ничего не менять! Первые годы жили за счет освежающего эффекта послесталинского освобождения, которое вдохнуло силы в народ и позволило прилично поднять уровень жизни, потом – за счет начавшегося экспорта сибирской нефти (тогда и стали зависеть от постоянно колеблющегося уровня мировых цен на энергоносители).

Чего можно ожидать от Брежнева, прояснилось довольно быстро. Сошлюсь хотя бы на мнение профессионального партийного работника Георга Васильевича Мясникова. Он много лет проработал вторым секретарем Пензенского обкома партии, хорошо знал, что происходит внутри аппарата. Георг Мясников вел дневник, который его сын опубликовал после смерти отца. Это важное обстоятельство – дневник не предназначался для чужих глаз. Автор очень откровенен.

27 декабря 1967 года второй секретарь Пензенского обкома записал в дневнике:

«Определилась политика Брежнева:

1. Боязнь реформ. Внешнее умиротворение. И внутреннее, и зарубежное.

2. Распущенность. Каждый сам по себе, никто не цыкнет.

3. Боязнь прошлого.

4. Консерватизм к молодым. Боязнь новых потрясений.

5. Своеобразная национальная политика. Все кадры – сами по себе, но выпячивается явно хохлацкое направление.

6. Отсутствие новых идей и попыток отыскать их.

7. Утверждение топорного, возвышенного стиля речей без особых мыслей».

Леонид Ильич у власти всего три года! Еще полон сил, здоров, энергичен. Но проницательному и хорошо осведомленному партийному работнику ясно: Брежнев боится перемен, у него нет свежих идей, и они ему не нужны. Ждать нечего.

Брежнев со товарищи пришел к власти, чтобы покончить с хрущевскими реформами, которые представлялись партийной верхушке ненужными и вредными.

Оставшийся в памяти необузданным бузотером, нелепо выглядевший Никита Сергеевич был человеком фантастической энергии, огромных и нереализованных возможностей. Непредсказуемый и неуправляемый, невероятный хитрец, но при этом живой и открытый. Он был наделен взрывным темпераментом, склонностью к новым революционным идеям и готовностью, ни с кем и ни с чем не считаясь, немедленно воплощать их в жизнь. Пребывание на высоком посту не сделало его равнодушным. Он видел, в какой беде страна.

Хрущев был, пожалуй, единственным человеком в послевоенном советском руководстве, кто сохранил толику юношеского идеализма и веры в лучшее будущее. Для него идея строительства коммунизма, уже вызывавшая в ту пору насмешки, не была циничной абстракцией. Тем он и отличался от товарищей по партийному руководству, которые давно ни во что не верили. Он хотел вытащить страну из беды.

Статистика неопровержимо доказывает: десять лет, когда страной управлял Хрущев, были лучшими в советской истории. Вторая половина пятидесятых – время феноменальных

достижений советской экономики. А дальше началось затухание экономического роста. И вот главный показатель успешности развития страны при Хрущеве. В начале XX века ожидаемая продолжительность жизни в России была на пятнадцать лет меньше, чем в Соединенных Штатах. В конце пятидесятых, при Хрущеве, произошел столь быстрый подъем продолжительности жизни, что разрыв с Соединенными Штатами был почти полностью ликвидирован! А после Хрущева, при Брежневе, началось снижение продолжительности жизни у мужчин и разрыв стал быстро нарастать...

Но отсутствие образования часто толкало Никиту Сергеевича к неразумным и бессмысленным новациям, над которыми потешалась вся страна. Малообразованный первый секретарь уповал на какие-то утопические идеи, надеялся решить проблемы одним махом, подпадал под обаяние таких мистификаторов, как «народный академик» Трофим Денисович Лысенко, обещавших немедленное решение всех проблем в сельском хозяйстве, и следовал их советам.

С годами Хрущева все чаще тянуло на воспоминания. В его устах свойственная немолодым людям ностальгия по ушедшей юности приобретала политический характер:

– Я помню детство, мы буквально на картошке выезжали. Почему же сейчас картошки нет? Я беседовал с рабочими. Они говорят: лука нет, цингой болеем. Ну как это может быть, чтобы лука не было? Я же помню, в Донбассе у болгарина мать или жена покупают картошку, так он сельдерея пучок бесплатно дает, потому что это мелочь... Так что мы будем теперь приучать людей, что коммунизм есть и вы кушайте суп без сельдерея, без петрушки, без укропа?! Социализм есть, а укропа нет, картошки нет и прочего нет...

Он, наверное, и сам не замечал, что из его собственных слов неоспоримо следовало: раньше было лучше, в царские времена жилось легче, чем при социализме. Он пребывал в растерянности, не понимал, почему в Советском Союзе нет того, что имеется в изобилии в других странах. Пытался сделать так, чтобы жизнь в стране стала хорошей, нормальной, счастливой, чтобы она нравилась людям. Приказал, чтобы в столовых хлеб давали бесплатно. Но ничего не получалось. Он напугал аппарат, когда стал разгонять райкомы, сокращать власть партийных секретарей. Они жаждали покоя и комфорта, а Хрущев проводил перманентную кадровую – революцию. Партсекретари и свергли его потому, что страха он не внушал – сам избавил от себя страну.

Свержение Хрущева не вызвало недовольства в Советском Союзе. Напротив, люди были довольны. Возникла надежда на обновление и улучшение жизни. Но Брежнев вовсе не собирался проводить какие-то серьезные реформы или преобразования. Это было не в его духе. Он вовсе и не размышлял на эти темы. Леонид Ильич верил, что сумеет улучшить жизнь людей без коренных перемен. Известного юриста Владимира Ивановича Теребилова, которого прочили в министры юстиции, вызвали в ЦК и отвели к Брежневу знакомиться. Теребилов, как положено, отказывался от назначения, говорил, что есть более подготовленные люди на пост министра, а он может и не справиться.

– А ты думаешь, генсеку легко жить и легко работать? – укоризненно заметил Леонид Ильич. – Вы, наверное, между собой рассуждаете так: вот живет Брежнев, вся власть у него, ест и пьет – чего хочет, ездит – куда угодно... Нет, это совсем не так. Сидишь за столом, размышляешь по многу часов и думаешь: вот сорвался план добычи угля, вот хлеб не созрел, вот и того нет, и другого... И столько еще проблем, что голова идет кругом. Думаешь, думаешь, и вдруг озарение – нашел все же пути решения всех этих вопросов, и не только нашел, но и решил их наилучшим образом... И вот в этот-то момент... просыпаешься – оказывается, устал, задремал, сидя за столом, а в жизни все как было, так и осталось...

Озарение не приходило. Решить одним махом все проблемы не удавалось. И Брежнев делал то, что не требовало больших усилий. Скажем, настоял на переходе к пятидневной рабочей неделе – вместо одного выходного появилось два, и в субботу можно было отдыхать, это стало подарком для страны.

Два крупных партийных работника Александр Евгеньевич Бовин и Вадим Валентинович Загладин в Завидово, где они писали Брежневу очередную речь, однажды вдвоем осушили пять бутылок коньяка. Вместо того чтобы лечь спать, Бовин отправился в кинозал, где находились и сам генеральный секретарь, и другие высшие чиновники... Утром председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов укорял его:

– Советую извиниться перед Леонидом Ильичом.

Бовин пошел к Брежневу:

– Прошу меня извинить. Я был вчера в кино слишком возбужден.

– Брось ты это, – искренне ответил Брежнев. – Ну был веселый. Я сам это люблю.

Как человек Брежнев был общительным, доступным, умел казаться обаятельным, даже очаровывал. Избегал неприятных разговоров, поэтому убирал с должности без объяснения причин, но не добивал. Мог вспылить, послать матом, но быстро отходил. Он исходил из принципа: живи и давай жить другим. И это было комфортно для публики, утратившей за десятилетия советской власти стремление двигаться вперед, готовность проявлять инициативу.

Сейчас мы понимаем: пытаюсь сделать социалистическую экономику эффективной, решить груз социальных проблем, Хрущев перепробовал все варианты, возможные в рамках существовавшего политического строя. Выяснилось: система реформированию не подлежит. Если перемены заходят слишком далеко, партийный аппарат и госбезопасность теряют контроль над обществом и социализм рушится. Либерализация или реформация командно-административной экономики, реального социализма ведут к его краху. Поэтому при Брежневе наступил период реставрации старых порядков – только без сталинских массовых репрессий.

Какое-то время общество и Брежнев находились во вполне гармонических отношениях, поскольку ничего друг от друга не требовали. Это же в его годы родилась чудная формула нашей жизни: «они делают вид, что нам платят, а мы делаем вид, что работаем». Платили, конечно, немного. Но при скромных потребностях народа хватало.

Глухое раздражение снималось самым доступным транквилизатором – дешевой водкой: за счет продажи алкоголя целые области выполняли финансовый план. Страна спивалась, и никто этому не препятствовал. Выпивка – не порок. Зато не было нужды вкалывать, выкладываться, чего-то добиваться, изобретать, придумывать. Требовалось лишь немного лицемерия: поднимать руку на собрании (партийном, профсоюзном, комсомольском, трудового коллектива), ходить голосовать – когда устраивались выборы (без выбора), произносить ритуальные слова о правильности линии КПСС «во главе с товарищем Леонидом Ильичом Брежневым».

Брежнев погрузил общество в своего рода наркотическое опьянение или, точнее, в приятную апатию. Когда после Брежнева обществу поднесут к лицу зеркало и станет ясен весь масштаб нерешаемых проблем, люди переживут шок. В перестроечные годы советское общество испытает то, что испытывают наркоманы со стажем, когда их лишают наркотика и начинается ломка...

Когда снимали Хрущева, Леонид Ильич его укорял:

– Вы, Никита Сергеевич, знаете мое к вам отношение. В трудную для вас минуту я честно, смело и уверенно боролся за вас, за ленинскую линию. У меня тогда был инфаркт миокарда, но, будучи тяжелобольным, я нашел силы для борьбы за вас. Сегодня я не могу вступать в сделку со своей совестью и хочу по-партийному высказать свои замечания... Если бы вы, Никита Сергеевич, не страдали такими пороками, как властолюбие, самообольщение своей личностью, верой в свою непогрешимость, если обладали хотя бы небольшой скромностью, вы бы не допустили создания культа своей личности. Вы поставили радио, кино, телевидение на службу своей личности. Вам понравилось давать указания всем и по всем вопросам, а известно, что ни один человек не может справиться с такой задачей – в этом лежит основа всех ошибок...

Из всех речей, произнесенных Брежневым, эта, пожалуй, лучшая. Самая искренняя. Хотя написал он ее сам, без помощи замечательных перьев, которые потом готовили к его

выступлениям. Речь хороша тем, что она разумна. И как быстро сам Леонид Ильич, заняв хрущевский кабинет, забыл то, о чем укоризненно говорил своему предшественнику!

Но то же самое происходит со всеми нашими вождями! Они сами формируют систему личной власти, в которой быстро теряют контакт с реальностью. При всем своем безграничном цинизме они и в самом деле начинают верить в собственную незаменимость и гениальное умение решать любые проблемы – что окружающие их холуи восторженно подтверждают. Вождями восхищаются на экранах телевизоров и на газетных страницах, им несут сводки, подтверждающие их невероятные успехи во всем. Через какое-то время они в глазах народа превращаются в посмешище. Но, как правило, сами об этом не подозревают, поскольку надежно ограждены от реальной жизни аппаратом, цензурой, системой госбезопасности...

Конечно, это губительная для государства система. За восемнадцать лет Брежнев окончательно загнал страну в тупик. Вскоре выяснится, что выбраться из этого тупика безболезненно вообще не удастся. Однако же важно сознавать, что застой и деградация были следствием не брежневских недугов, а неизбежного провала политической и экономической модели. Дряхление генерального секретаря ЦК КПСС скорее его символизировало. Сменявшие друг друга старцы на трибуне мавзолея – можно ли придумать более зримую метафору упадка советского строя?

Однако возможность пожизненно править страной такая система обеспечивает. Если бы врачи 4-го главного управления (медицина для начальства) при Министерстве здравоохранения СССР владели секретом бессмертия, то Леонид Ильич Брежнев, вполне возможно, правил бы нами и по сей день.

Карьера

Детство, отрочество и юность будущего генсека

Леонид Ильич Брежнев родился 19 декабря (6 декабря по старому стилю) 1906 года в поселке Каменское Екатеринославской губернии. В 1936 году Каменское переименовали в Днепродзержинск – в память о создателе ВЧК. А Екатеринослав стал Днепропетровском – в честь украинского революционера Григория Ивановича Петровского.

Население поселка в начале прошлого века составляло примерно двадцать пять тысяч человек. Взрослые работали на Днепровском заводе Южно-Русского металлургического общества. Разнорабочим, а затем помощником вальцовщика на заводе трудился и отец Леонида Ильича Илья Яковлевич. Через этот завод прошло все семейство Брежневых.

Илья Яковлевич происходил из деревни Брежнево Стрелецкого уезда Курской губернии. Он уехал в город и женился на Наталье Денисовне. У них сначала родилась девочка, но она умерла. В 1906-м появился Леонид Ильич, в 1909-м – Вера Ильинична. Последним родился второй сын – Яков Ильич, названный в честь деда по отцовской линии.

Глава семейства умер в 1930 году, не дожив и до шестидесяти. Наталья Денисовна была моложе мужа на восемь лет. Она дождалась того момента, когда ее сын стал хозяином страны. В 1966 году переехала к сыну в Москву, тихо и скромно жила у него на госдаче. Скончалась Наталья Денисовна в 1975 году.

Леонид Ильич с уважением вспоминал отца, сдержанного и строгого, но не наказывавшего детей. Ценил в нем рассудительность и порядочность. Рассказывал, как в годы Гражданской войны к отцу пришел вальцовщик Черняк, еврей по национальности. У него было четверо детей, а к поселку подходила очередная банда, боялись погромов.

– А ты в случае чего веди детей к нам, – предложил старший Брежнев.

И действительно, четверо еврейских мальчиков укрылись у них в доме. Некоторые черты характера и представления о жизни Леонид Ильич унаследовал от отца. Национальных предрассудков у него не было. Дружил с выходцами из разных республик и по этническим признакам людей не делил.

Леонид Ильич задержался с учебой. Только в девять лет поступил в подготовительный класс Каменской мужской классической гимназии, которую после революции преобразовали в Первую трудовую школу. Учился недолго. В пятнадцать лет поступил на завод кочегаром, потом стал слесарем. Когда завод закрыли, жители рабочего поселка стали разъезжаться.

Семья Брежневых уехала в Курскую губернию – на родину отца. В 1923 году Леонид Брежнев поступил в Курский землеустроительно-мелиоративный техникум. Там его приняли в комсомол. Подрабатывал на маслобойном заводе, разгружал дрова и зерно. Большого интереса к учебе он не проявлял, и его образование осталось очень скудным.

«Читал для удовольствия, по внутренней потребности – крайне редко и мало, – вспоминал его помощник Андрей Михайлович Александров-Агентов, – ограничиваясь газетами и популярными журналами типа «Огонька», «Крокодила», «Знание – сила». Уговорить Леонида Ильича прочитать какую-нибудь интересную, актуальную книгу, что-либо из художественной литературы было делом почти невозможным. И за двадцать один год совместной работы с ним мне не приходилось видеть ни разу, чтобы он по собственной инициативе взял том сочинений Ленина, не говоря уже о Марксе или Энгельсе, и прочитал какую-либо из их работ...»

Даже свержосторожный в оценках министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко писал в своих мемуарах:

«Его знания не отличались глубиной. Неслучайно он не любил разговоров на теоретические темы, относящиеся к идеологии и политике. Последние годы жизни он почти ничего не читал... Однажды в санатории под Москвой я рекомендовал ему книгу о жизни Леонардо да Винчи, даже принес ее. Он обещал прочесть. Но недели через две вернул, сказав:

– Книгу я не прочел. Да и вообще – отвык читать».

Брежнев не освоил даже грамоты, простые слова писал с грубыми ошибками. Хотя пробовал сам сочинять. Сохранилось написанное им стихотворение «На смерть Воровского». 10 мая 1923 года в швейцарском городе Лозанна бывший белогвардеец застрелил советского дипломата Вацлава Вацлавовича Воровского.

13 ноября Леонид Ильич послал стихотворение товарищу – И. И. Евсюкову «на память». Через полвека друг юности Леонида Ильича вспомнил о подарке и переслал бесценную реликвию в ЦК. Там не знали, как быть с этим малограмотным творением (цитирую в точном соответствии с оригиналом):

*Это было в Лозане, где цветут гиомтропы,
где сказочно дивные снятся где сны.
В центре культурно кичливой Европы
в центре, красивой, как сказка страны.
В зале огромном стиле «Ампиро»
у входа где плещет струистый фонтан,
собрались вопросы решать всего мира,
представители буржуазных культурнейших стран.
Бриллианты, монокли, цилиндры и фраки,
в петлицах отличия знаки
и запах тончайших роскошных духов.
Длинные речи не нужны,
и глупы громкие фразы о добрых делах.
От наркотина лица бессмысленно тупы
наглость во взоре и ложь на устах.
На двери внезапно взоры всех устремились
и замер – среди речи английский сэр.
В залу с улыбкой под шум разговора вошел Воровский
делегат С. С. СР.
Шоклинг! позорной культуры, нет лака,
В пышином об-ве говор и шум как смели сюда
Вы явится без фрака, он без цилиндра «мужик».
Простите! Не знал я да знать разве мог я что
здесь это важно решающим столь.
У нас это проще
во фраке без фрака, в блузе рабочей
в простых сапогах, у нас ведь не нужны отличия
знаков, что нужно решаем всегда и без них.
У нас ведь одеты совсем не как «деньди»
в простых сапогах, в блузе рабочей,
кофе не пьют там,
там нет и шербета,
но дело там делают не на словах.
И замерла зала,
как будто невольно звонок председателя*

*вдруг прогремел;
Господа на сегодня быть может довольно
пора отдохнуть от сегодняшних дел.
А утром в отделе под фирмой астрий
посол наш, убит был, убийцы рукой
И в книге великой российской истории
Жертвой прибавилось больше одной!!!*

Окончив техникум в 1927 году, молодой специалист недолго поработал землеустроителем в Грайворонском уезде Кур-ской губернии и наконец получил назначение на Урал, вначале на Михайловский завод, затем – в Бисертский район. Перед отъездом в дальние края, в 1928 году, Леонид Ильич женился на Виктории Петровне Денисовой. На склоне лет, уже оставшись одна, она поведала писателям Ларисе Васильевой и Владимиру Карпову историю своего романа.

Виктория Петровна была на год моложе Леонида Ильича. Она родилась в Белгороде 11 декабря 1907 года. Отец Петр Никифорович Денисов работал машинистом на железной дороге. Мать Анна Владимировна сидела с детьми – их было пятеро (четыре сестры и брат). Виктория окончила девять классов и поступила в Курский медицинский техникум. С Брежневым они познакомились на танцах в общежитии. Во внешности Виктории Брежневой люди, озабоченные национальным вопросом, находили семитские черты и считали ее еврейкой.

Академик Игорь Ростиславович Шафаревич в интервью «Комсомольской правде» рассказал о том, как однажды пришел к Солженицыну. Александр Исаевич с пятимесячным сыном гуляли во дворе. Корреспондент поинтересовался, о чем они говорили.

– Честно? О национальности жены Брежнева, – признался академик Шафаревич. – Тогда ходили упорные слухи в народе, что ее девичья фамилия Гольдберг. Александр Исаевич считал, что она украинка.

Помешавшихся на евреях у нас немало, и Викторию Петровну прямо спрашивали о ее происхождении. Она отвечала, что не еврейка. Объясняла, что имя Виктория ей дали потому, что рядом жило много поляков, среди соседских девочек это имя было распространено. Леонид Ильич ласково называл жену Витей.

Виктория Брежнева получила диплом акушерки, но практически не работала, занималась мужем и домом, а потом и детьми. Они обосновались под Свердловском, снимали комнату. Тут у них родилась дочь Галина, позднее появился сын Юрий. Купили лошадь и ездили на сани. Брежнев полюбил охоту, оставшуюся его главным развлечением на всю жизнь. Виктория Петровна создала мужу надежный и комфортный тыл. В доме у нее было уютно, она прекрасно готовила сама, а впоследствии поваров, которые полагались Леониду Ильичу, научила готовить так, как ему нравилось. Хотя к еде он был достаточно равнодушен и вкусы у него были простые.

Виктория Петровна заботилась и о гардеробе мужа, сама подбирала ему костюмы и галстуки. На фоне серой чиновничьей массы, одетой совершенно одинаково, Леонид Ильич выглядел вполне элегантно, позволял себе светлые тона, иногда появлялся без галстука, носил «неформальные» курточки и водолазки.

Леонид Ильич, судя по всем рассказам, до последних лет пользовался успехом у женщин. Но развлечения на стороне не развалили семью. Брежнев привык к жене, советовался с ней по всем домашним и семейным делам. Беспокоился о ней, и она о нем. Политикой она не интересовалась, советов мужу не давала, занималась только домом и хозяйством. Став первой леди государства, Виктория Петровна не изменилась, все так же посвящала себя мужу, дому, детям, внукам, многочисленным родственникам, которым надо было помогать.

Официальных обязанностей у нее было немного. Иногда ей приходилось присутствовать на государственных приемах вместе с мужем. И раз в год, на приеме по случаю Международного женского дня 8 Марта, Виктория Петровна бывала хозяйкой. На этот прием приглашали только женщин – жен послов и самых крупных советских чиновников, а также небольшое число деятельниц культуры. Устраивались танцы, но мужчин не было, поэтому женщины танцевали с женщинами...

Малая земля

В 1929 году Леонида Ильича избрали в Бисертский районный Совет депутатов трудящихся и поставили заведовать земельным отделом, потом утвердили заместителем председателя райисполкома Бисертского района (Свердловский округ Уральской области). Это был период сплошной коллективизации, когда справных, успешных, умелых хозяев называли кулаками, лишали земли, всего имущества и насильственно выселяли из родных мест. Ценности, деньги и зерно отбирали.

Главная задача Брежнева состояла в том, чтобы передать земли, отобранные у кулаков, беднякам. Эти годы позволили ему впоследствии уверенно говорить, что он знает сельское хозяйство и проблемы деревни.

13 февраля 1930 года бюро Свердловского окружкома партии Уральской области утвердило Брежнева заведующим окружным отделом землеустройства Свердловского окружного земельного управления. 20 февраля его перевели на работу в Свердловск.

Брежнев понимал, что для служебной карьеры ему не хватает образования. В сентябре 1930 года он поехал в Москву и поступил в Институт сельскохозяйственного машиностроения имени М. И. Калинина. Виктория Петровна оставила дочку матери и приехала к мужу в столицу. Но жить в Москве с семьей было негде и не на что. Леонид Ильич бросил институт, и в 1931 году Брежнев вернулся к его родителям в Каменское. Леонид Ильич нанялся слесарем на завод имени Ф. Э. Дзержинского и поступил на вечернее отделение металлургического института имени Михаила Арсеничева в Днепродзержинске (Арсеничев был первым руководителем каменных большевиков).

Брежнев не столько учился, сколько шел по общественной линии. 20 марта 1933 года молодого активного коммуниста назначили директором Каменского вечернего металлургического рабфака, который со временем преобразовали в техникум. Институт Леонид Ильич окончил заочно, специальность – «инженер-теплосиловик». Дипломная работа – «Проект электростатической очистки доменного газа в условиях завода имени Ф. Э. Дзержинского».

Леонид Ильич совсем недолго был начальником смены силового цеха завода имени Ф. Э. Дзержинского, поскольку 6 октября 1935 года был призван в Рабоче-крестьянскую Красную армию. Ему уже было двадцать девять лет. Брежнева отправили в Забайкальский военный округ. Он должен был служить срочную службу рядовым, но добился, чтобы его направили курсантом в Читинскую танковую школу (тогда она называлась Забайкальской бронетанковой академией). Это были годы, когда началось активное производство и освоение бронетанковой техники, и в войсках были рады каждому технически подкованному призывнику.

Окончив танковую школу, Брежнев получил назначение политруком танковой роты 14-го механизированного корпуса Дальневосточного военного округа. Леонида Ильича быстро отпустили из армии. Он отслужил всего год. В октябре 1936 года политрука Брежнева уволили в запас. В ноябре демобилизованного командира назначили директором Днепродзержинского металлургического техникума.

Массовые репрессии открыли симпатичному молодому человеку с рабочим прошлым и армейской закалкой дорогу к большой карьере. В мае 1937 года его утвердили заместителем председателя исполкома Днепродзержинского горсовета по строительству и городскому хозяйству. В горисполкоме родного города он проработал всего год. В мае 1938 года его перевели в областной центр.

Днепропетровская область была тогда огромной, в нее входили районы, которые потом стали самостоятельными областями. Брежнева поставили заведовать отделом советской торговли Днепропетровского обкома. Положение с продовольствием на Украине было неважным. Да и торговлей Леонид Ильич никогда не занимался, но это было время, когда на такие мелочи

не обращали внимания. Умеет руководить – значит справится с любой должностью. А руководить, то есть ладить с начальством и подчиненными, у него явно получалось. Он был внимателен и доброжелателен к людям, окружающие это ценили. И по карьерной лестнице продвигался быстро.

7 февраля 1939 года Леонида Ильича избрали секретарем Днепропетровского обкома по пропаганде. Это был уже по-настоящему высокий пост. Но идеологическая работа Брежневу никогда не нравилась. Он настолько не любил читать, что толком не освоил даже обязательный набор догматических установок. Да и неохота было ему корпеть над бумагами. Через много лет, вспоминая свою идеологическую должность, генсек Брежнев в узком кругу заметил презрительно:

– Я ненавижу эту тряхомудию, не люблю заниматься бесконечной болтовней. Так что еле-еле отбрыкался...

Когда Леонид Ильич это рассказывал, рядом с ним сидел руководитель отдела пропаганды ЦК КПСС будущий академик Александр Николаевич Яковлев. Брежнев повернулся в его сторону.

– Вот так, – наставительно добавил он и усмехнулся.

26 сентября 1940 года Леонида Ильича сделали секретарем обкома по оборонной промышленности. Брежневу было всего тридцать четыре года. Со всей энергией он взялся за дело, ему хотелось показать себя. Но началась война.

В июне 1941 года Брежнев отправил семью в эвакуацию и ушел в армию. Большинство украинских парторботников поступили в распоряжение Военного совета Южного фронта. Как секретарь обкома, он сразу получил один ромб в петлицы – то есть ему присвоили звание бригадного комиссара. У политического состава Красной армии еще сохранялись специальные звания.

С 28 июня 1941 года по 16 сентября 1942 года Леонид Ильич служил заместителем начальника политуправления Южного фронта. В декабре комфронта генерал Родион Яковлевич Малиновский умело провел Барвенково-Лозовскую операцию. В начале войны всякий успех ценили, отмечали орденами. В списке награжденных значился и Брежнев. «За образцовое выполнение боевых заданий на Южном фронте в ходе Барвенково-Лозовской операции» ему вручили орден Красного Знамени.

Потом Южный фронт слили с Северо-Кавказским фронтом, который в сентябре 1942 года преобразовали в Черноморскую группу войск. Брежнева утвердили заместителем начальника политуправления группы войск. Это была меньшая по значению должность, чем прежняя. 22 декабря его наградили медалью «За оборону Одессы», но вообще-то наградами не баловали.

Членом Военного совета Черноморской группы войск был генерал-майор Семен Ефимович Колонин. Вскоре его перевели в 18-ю армию, и он взял с собой Леонида Ильича. 1 апреля 1943 года Брежнева утвердили начальником политотдела 18-й армии. Новая должность опять-таки была ниже предыдущей. Так что в первые два года войны карьера Брежнева развивалась по нисходящей. Это важное обстоятельство необходимо иметь в виду. Леонид Ильич, несомненно, переживал свои неуспехи, считал такое отношение к себе несправедливым и со временем попытается переписать свою военную биографию.

Начальник политотдела армии подчинялся первому члену Военного совета армии, который среди прочего осуществлял партийный контроль над действиями командующего. Член Военного совета имел большие права, держался с командармом на равных. Без его подписи приказ по армии считался недействительным. Если он не соглашался с командующим, то имел полное право обратиться и к члену Военного совета фронта, и непосредственно в Ставку. Членам Военного совета армии установили аппараты правительственной междугородней ВЧ-связи, и они могли напрямую связаться с любым руководителем государства.

А начальник политотдела армии занимался работой полит-аппарата в частях, пропагандой, печатью, ведал приемом в партию и разбором персональных дел. Иначе говоря, к военным делам Леонид Ильич отношение имел косвенное.

Командовал 18-й армией генерал Константин Николаевич Леселидзе, артиллерист по военной специальности. Брежнев прибыл в 18-ю армию, когда уже шли бои на Малой земле. Эта героическая страница истории войны прочно связана с именем Брежнева. Но сложись судьба иначе, и не Леонид Ильич, а сталинский соратник Лазарь Моисеевич Каганович считался бы героем Малой земли...

Летом 1942 года Сталин назначил Лазаря Моисеевича членом Военного совета только что образованного Северо-Кавказского (затем Закавказского) фронта. Каганович занимался организацией десанта на Малую землю под Новороссийском, который в брежневские времена стал чуть ли не главным событием Великой Отечественной войны.

Основные силы Северо-Кавказского фронта должны были освободить Краснодар. Черноморскому флоту и Азовской военной флотилии поручили провести отвлекающую операцию в тылу немецких войск.

В районе мыса Мысхако на западном берегу Цемесской бухты (юго-западнее Новороссийска) в ночь на 4 февраля 1943 года высадили десантный отряд под командованием майора Цезаря Львовича Куникова, который до войны редактировал заводскую многотиражку. Двести пятьдесят морских пехотинцев высаживались прямо в ледяную воду. Потери были большие. Но бойцы зубами вцепились в захваченный плацдарм и закрепились. 12 февраля Куников был ранен и через два дня умер. Посмертно он отмечен званием Героя Советского Союза.

Тем временем главную операцию отложили, а десант продолжал упорно удерживать плацдарм, который окрестили Малой землей и который приобрел важное значение. Туда перебросили две стрелковые бригады, бригаду морской пехоты, полк десантников, истребительно-противотанковый полк. Бои на плацдарме продолжались семь месяцев, точнее – двести двадцать пять дней. Малая земля продержалась до сентября, когда началась Новороссийско-Таманская операция и советские войска освободили Новороссийск.

Генерал Давид Иосифович Ортенберг, ответственный редактор «Красной звезды», приехав на Северо-Кавказский фронт, отправился на командный пункт 18-й армии. Ортенберг захотел увидеть все своими глазами. Плацдарм – голый мыс площадью тридцать квадратных километров. До войны здесь выращивали виноград, из которого делали шампанское Абрау-Дюрсо. Весь плацдарм просматривался противником, который занимал господствующие высоты, поэтому войска упорно зарывались в землю. Немецкая авиация утюжила плацдарм. Снабжение было крайне тяжелым делом. Кормили бойцов два раза в день – под утро и поздно ночью, когда немецкая авиация не летала.

Пополнение, патроны и снаряды, продовольствие и даже белье (на Мысхако стирать и развешивать белье было невозможно) десанту доставляли рыбацкие сейнеры и мотоботы из Геленджика. Переправлялись ночью, когда немцы ничего не видели и потому не стреляли. Перед рассветом командующий армией Константин Леселидзе и редактор «Красной звезды» спустились к берегу, чтобы плыть назад. Но поднялось волнение, сторожевой корабль не мог пристать к берегу. Ждали сейнер, который должен был забрать раненых – человек пятнадцать. Начался обстрел – падает одна мина, другая...

Вдруг раздался голос:

– Товарищи, защитим нашего командующего!

Высокий сержант с забинтованной рукой, подвешенной на косынке, бросился к Леселидзе и встал к нему спиной, лицом – к рвущимся немецким минам. Раненые бойцы подбежали, вспоминал Ортенберг, и окружили их плотной стеной:

«Не знаю даже, как передать то, что я почувствовал и пережил тогда. Что же это такое? Раненые люди. Преданность Родине и самоотверженность они уже доказали пролитой на поле

брани кровью... Какие же нужны слова, чтобы оценить самопожертвование этих людей, кинувшихся в минуту опасности к своему командующему прикрыть его своей грудью?

Такие же мысли пронзили и генерала Леселидзе. Об этом он мне потом сказал. А в тот момент командарм скомандовал резко и твердо, словно рубанул:

– Кто разрешил?! Рассредоточиться!.. Лечь!..

Мы и сами легли рядом с ними, взволнованные, потрясенные...»

В брежневские времена от отставного генерала Ортенберга добивались, чтобы он написал о подвигах Леонида Ильича на Малой земле. Упрямый генерал отвечал:

– Я его там не видел.

«Для Брежнева Малая земля, – писал Ортенберг, – была своего рода зацепкой, он так много говорил о ней, писал, награждал, возвышал, для того чтобы хоть в малой степени иметь повод для оправдания своего «полководческого» восхождения».

Брежнев дважды побывал на Малой земле. Один раз сопровождал группу московских партийных работников, в другой – вручал партийные билеты и награды. Но и эти две поездки были опасными. Леониду Ильичу везло. За всю войну ни разу не был ранен. В написанной от имени Брежнева книге воспоминаний «Малая земля» говорится, что во время боев в декабре 1943 года, когда немцы прорвались, Леонид Ильич поднял в контратаку офицеров политотдела и сам залег в траншею с пу-ле-метом:

«Этот ночной бой особенно врезался в память... Подбадривая себя криками и непрерывным огнем, немцы в рост бежали к траншее. А наш пулемет молчал. Какой-то солдат оттащивал в сторону убитого пулеметчика. Не теряя драгоценных секунд, я бросился к пулемету. Весь мир для меня сузился тогда до узкой полоски земли, по которой бежали фашисты. Не помню, как долго все длилось. Только одна мысль владела всем существом: остановить!»

Кроме самого Леонида Ильича об этом подвиге никто не рассказывал. И документов на сей счет не сохранилось. Но в словах генерального секретаря никто не усомнился, хотя после удачного боя все подвиги фиксировались политаппаратом для доклада начальству. В селе Ставище Коростышевского района Житомирской области поставили памятник с надписью:

«Здесь в ночь с 11 на 12 декабря 1943 г. начальник политотдела 18-й армии Л. И. Брежнев вел пулеметный огонь, отражая атаку противника».

Леонид Ильич жаловался старым друзьям, что его не продвигают по службе, что многие начальники политотделов армий уже получили генеральское звание, а его зажимают.

Еще до войны, 7 мая 1940 года, указом Президиума Верховного Совета в Вооруженных силах были введены новые звания. Они присваивались правительственной комиссией, которая рассматривала личное дело каждого командира. Для высшего политического состава специальные звания сохранялись. И только когда в октябре 1942 года в очередной раз был упразднен институт военных комиссаров, политработникам дали обычные для армии и флота звания.

Бригадные, дивизионные, корпусные и армейские комиссары получили генеральские звания. Впрочем, вожделенные генеральские погоны достались не всем бригадным комиссарам. Заместитель начальника политуправления Южного фронта Леонид Ильич Брежнев при аттестации стал 15 декабря 1942 года всего лишь полковником. И только 2 ноября 1944 года ему наконец присвоили звание генерал-майора.

18-я армия закончила свой боевой путь в освобожденной от немецких войск Чехословакии. После войны ее расформировали. Но Брежнев уже получил повышение. Ему благоволил член Военного совета 4-го Украинского фронта генерал-полковник Лев Захарович Мехлис, в прошлом один из доверенных помощников Сталина. Мехлис приметил среди своих подчиненных генерал-майора Брежнева, приблизил его к себе и через голову других политработников назначил в июне 1945 года начальником политуправления фронта. Так что именно Мехлису Леонид Ильич был обязан фактически первым за все годы повышением в должности. Тонкость

состояла в том, что Леонид Ильич стал начальником политуправления фронта, когда война уже закончилась.

Леонид Ильич считал себя обделенным наградами, у других на груди было богаче. Компенсировал упущенное, став генеральным секретарем. Зато он участвовал в Параде Победы в июне 1945 года на Красной площади в качестве комиссара сводного полка 4-го Украинского фронта. Эти хроникальные кадры часто повторяли в те годы, когда он был главой партии и государства. Бравый веселый генерал смотрелся очень выигрышно...

Только 18 июня 1946 года его уволили в запас. О нем вспомнили в ЦК компартии Украины. Возможно, это была инициатива самого Никиты Сергеевича Хрущева, который после войны был первым секретарем республиканского ЦК и одновременно председателем Совета министров Украины. Он возвращал в республику украинские кадры.

Вознесение на олимп. Изгнание. Возвращение

Леонид Ильич Брежнев пришел с войны в генеральских погонах, что выгодно отличало его от просидевших всю войну в тылу других руководителей страны. Он честно прошел всю войну, хотя и не в окопах. Фронтовику предложили самостоятельную работу.

30 августа 1946 года на XI пленуме областного комитета Брежнева избрали первым секретарем Запорожских обкома и горкома. Вторым секретарем был Андрей Павлович Кириленко, который работал в Запорожье и до войны. Кириленко был человеком надменным и сухим, но, разумеется, не с начальством. У них с Брежневым сложились дружеские отношения, сохранившиеся до конца жизни.

В войну город был совершенно разрушен. В том числе пострадал крупнейший в стране металлургический завод «Запорожсталь», взорвана знаменитая Днепровская гидроэлектростанция. Эти объекты общесоюзного значения подлежали восстановлению в первую очередь. Восстановительные работы начались еще до Брежнева, но «Запорожсталь» никак не удавалось запустить. За положением дел следили в Москве. «Правда» поместила передовицу, в которой критиковался обком за низкий темп восстановления «Запорожстали». Леонид Ильич поднажал, и осенью 1947 года завод заработал. Что бы ни говорили о Брежневе впоследствии, в те годы он не отлынивал от работы.

В октябре газеты опубликовали рапорт Сталину о восстановлении первой очереди «Запорожстали» и начале выпуска холоднокатаного стального листа. 2 декабря Брежнев «за успехи в возрождении завода «Запорожсталь» имени Серго Орджоникидзе» получил свой первый орден Ленина. В том же году пустили и Днепрогэс.

В Запорожье Брежнев жил один, без семьи, которая так и не вернулась из эвакуации. Редактор областной газеты «Индустриальное Запорожье» Андрей Ключенко вспоминал:

«В Запорожье он приехал в цветущем сорокалетнем возрасте. Вот и представьте себе: первый секретарь обкома, боевой генерал, красавец-мужчина, а вокруг множество молодых вдов. Случалось, что и Леонид Ильич кем-то всерьез увлекался. Мы, его фронтовые друзья, стали спрашивать: почему не привозишь семью? Почти целый год он отбивался от нас, ссылаясь на то, что в разрушенном Запорожье нет приличной квартиры».

На склоне лет Брежнев вспоминал, как, приехав в город, велел сшить себе новенькую форму и сапоги. Когда за ним пришла машина, сказал, что пойдет пешком.

– И я пошел, – горделиво рассказывал Леонид Ильич, – и од-ним глазом следил, пройдет ли мимо хотя бы одна женщина, не посмотрев в мою сторону...

Очередным повышением Брежнев был обязан Кагановичу. В ноябре 1947 года Лазарь Моисеевич перебросил его в Днепропетровскую область, одну из крупнейших на Украине, утвердил первым секретарем обкома и горкома. Туда Брежнев вызвал семью.

Днепропетровск Брежнев застал в столь же бедственном положении, что и Запорожье: шахты затоплены, заводы разрушены, дома сожжены, центр города лежал в руинах. Восстановлением города днепропетровцы в немалой степени обязаны Брежневу.

В июле 1950 года Леонида Ильича вызвали в Москву. Хрущеву было поручено подыскать нового первого секретаря для Молдавии. Он отправил в Кишинев Брежнева. После войны на Молдавию обрушилась жестокая засуха, какой не было полвека. Это привело к массовому голоду. Партийно-государственный аппарат республики не в состоянии был распорядиться тем, что имел, организовать медицинскую помощь голодающим. Лечили только тех, кто сам мог добраться до сельсовета или больницы. Больных клали прямо на пол. Они заражали друг друга чесоткой, желудочными инфекциями. Вши ползали по больным. Взрослых и детей держали в одном больничном бараке. Взрослые отбирали еду у детей. А двух-трехлетние и не могли есть плохо испеченный хлеб. Молока им не давали.

По официальным данным, дистрофией переболела пятая часть населения республики – около четырехсот тысяч человек. Точная цифра умерших не установлена, молдавские ученые называют цифру в двести тысяч человек. Были месяцы, когда в день умирали триста-четыре человека. Зафиксированы десятки случаев людоедства, в основном убивали и ели маленьких детей (все это подробно описано в изданной республиканской Академией наук монографии Б. Г. Бомешко «Засуха и голод в Молдавии 1946–1947 гг.»). В конце концов пришлось организовать сотни бесплатных пунктов питания для тех, кто уже был на грани истощения. Небольшая помощь, поступавшая от союзного правительства, разбазаривалась и раскрадывалась...

Не злой по натуре человек, Брежнев, как и многие чиновники сталинского времени, воспитал в себе умение не замечать страдания и несчастья окружающих. Действовал инстинкт самосохранения: человек искренний и чувствительный работать в аппарате не смог бы.

В Молдавии вокруг первого секретаря собрались люди, которые будут с ним долгие годы. Константин Устинович Черненко руководил отделом пропаганды, Николай Анисимович Щелоков работал в Совете министров республики, Сергей Павлович Трапезников возглавлял Высшую партийную школу, Виктор Андреевич Голиков стал помощником первого секретаря, Семен Кузьмич Цвигун – заместителем министра госбезопасности.

Работа Брежнева в Молдавии одобрялась в Москве. Но успехи дались Леониду Ильичу нелегко. В 1952 году у него случился инфаркт миокарда. Он проснулся утром с сильной болью в груди. Его срочно госпитализировали. Месяц он лежал в больнице. В протоколе заседания политбюро № 88 записали:

«Предоставить первому секретарю ЦК КП/б/ Молдавии Брежневу Л. И. полуторамесячный отпуск с 20 июня 1952 года для лечения».

Полтора месяца Леонид Ильич восстанавливался в подмосковном санатории «Барвиха», пока не почувствовал себя совершенно здоровым, хотя это потрясение не прошло бесследно.

Брежнев во главе республиканской делегации прибыл в Москву в октябре 1952 года на XIX съезд партии. Он рассчитывал быть избранным в Центральный комитет. Но его ждал приятный сюрприз. Руководитель Молдавии выступал на четвертый день работы съезда. Выступление, написанное его сотрудниками в Кишиневе, ему дорабатывали в ЦК партии. Сталин заметил Леонида Ильича, которого видел в первый раз и который внешне выгодно отличался от других партийных руководителей. 16 октября 1952 года Сталин на первом после XIX съезда организационном пленуме ЦК объявил новый состав партийного руководства. Он достал из кармана френча собственноручно написанную бумагу и сказал:

– В президиум ЦК можно было бы избрать, например, таких товарищей...

К удивлению присутствовавших, Сталин включил в высшее партийное руководство ряд новых и сравнительно молодых партработников, в том числе Леонида Ильича Брежнева. Его Сталин сделал секретарем ЦК и кандидатом в члены президиума ЦК, созданного вместо политбюро. Так Леонид Ильич оказался в «высшей лиге». Он сам был поражен неожиданным взлетом.

В документах, заполненных в годы войны, в графе «национальность» Леонид Ильич писал «украинец» (так же было записано в паспорте, выданном ему в 1947 году). Переехав в Москву, стал писать «русский»... Когда Брежнев вступал в партию в 1929 году, то в графе анкеты «родной язык» написал сначала «украинский». Потом зачеркнул и написал «русский».

Брежневу как имеющему фронтовой опыт решили поручить «наблюдение за работой Главного политического управления военного министерства и Главного политического управления военно-морского министерства». Леонид Ильич на Старой площади был человеком новым. Ушлые московские чиновники его не знали, поэтому первоначально не включили в состав постоянной комиссии по вопросам обороны при президиуме ЦК. В этой комиссии предполагалось решать все военные дела, таким образом Леонид Ильич оказывался в стороне. Но

чиновников поправил Сталин, и 19 ноября Брежнева ввели в состав комиссии по вопросам обороны.

20 октября в начале одиннадцатого вечера в кабинет Сталина пригласили почти всех секретарей ЦК и высших идеологических чиновников. Брежнев впервые увидел, как творится большая политика, что и как говорит вождь в тесном кругу своих соратников.

Полномочия Брежнева по указанию Сталина были расширены. Леонид Ильич должен был не только контролировать армейских и флотских политработников, но и наблюдать «за делом подбора и распределения кадров по линии военного и военно-морского министерств». Это теоретически наделяло Брежнева серьезной властью – все важные назначения в военном ведомстве требовали его согласия.

Военным министром с 1949 года был маршал Александр Михайлович Василевский. Он был всего лишь членом ЦК, так что по партийному званию был ниже Брежнева. Но Василевский с военных лет был близок к Сталину, который ему покровительствовал. Так что маршал не нуждался в поддержке Брежнева, а мог в случае необходимости напрямую обратиться к вождю.

Брежнев еще несколько раз побывал в кабинете вождя. 26 января 1953 года Сталин в последний раз собрал у себя руководителей партии. Больше они в таком составе не собирались. Вождю оставалось жить чуть больше месяца. В ночь на 1 марта у Сталина случился инсульт. Начиная со 2 марта руководители страны встречались только в узком кругу. Брежнева не приглашали: он слишком недолго пробыл в высшем эшелоне. За четыре с небольшим месяца не успел установить нужные контакты, никак себя не проявил. Составляя список нового руководства, старые члены президиума ЦК его просто вычеркнули. Со смертью Сталина карьера Брежнева рухнула.

5 марта на вечернем совместном заседании ЦК, Совета министров и президиума Верховного Совета Леонида Ильича освободили от обязанностей секретаря ЦК «в связи с переходом на работу начальником политуправления военно-морского министерства». Многие высшие чиновники лишились постов, но всем подобрали приличные должности и только от Брежнева, можно сказать, избавились. Начальник политуправления – должность, приравненная к заместителю министра, то есть на много ступенек ниже той, что он занимал с октября 1952 года. Падение с олимпа было крайне болезненным. Только что он ощущал себя одним из руководителей страны, заседал за одним столом со Сталиным... Теперь ему предстояло подчиняться своим недавним подчиненным. Можно без преувеличения сказать, что 1953 год был в жизни Брежнева одним из худших.

Буквально через десять дней военно-морское министерство объединили с военным министерством в одно – Министерство обороны. Объединили и политорганы. Брежнев вообще остался без работы и в мае 1953 года написал слезное письмо новому главе правительства Маленкову:

«В связи с упразднением Главного политуправления ВМС, я обращаюсь к Вам, Георгий Максимилианович, с большой просьбой... Почти тридцать лет своей трудовой деятельности я связан с работой в народном хозяйстве. С 1936 года на советской и партийной работе. Люблю эту работу, она для меня вторая жизнь... Теперь, когда возраст приближается к 50 годам, а здоровье нарушено двумя серьезными заболеваниями (инфаркт миокарда и эндортернит ног), мне трудно менять характер работы или приобретать новую специальность.

Прошу Вас, Георгий Максимилианович, направить меня на работу в парторганизацию Украины. Если я допускал в работе какие-либо недостатки или ошибки, прошу их мне простить».

Слово «эндартериит» (серьезное заболевание ног) Брежнев не смог написать правильно. Маленков послание переадресовал Никите Сергеевичу. На письме осталась пометка «Хрущев ознакомился». Ни Маленков, ни Хрущев на слезную мольбу Леонида Ильича не откликнулись.

Брежнева сделали заместителем начальника Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота. Приказом министра обороны № 01608 от 21 мая он был возвращен в кадры Советской армии. В порядке компенсации за понижение в должности 4 августа 1953 года ему присвоили звание генерал-лейтенанта.

Леонид Ильич в ГлавПУРе тосковал. Служба эта ему не нравилась, ездить по частям он не любил, армейская жизнь его не интересовала. Страдать Леониду Ильичу пришлось недолго – чуть больше года. О нем вспомнил Никита Хрущев и пригласил в ЦК на беседу, которая изменила жизнь Брежнева. Он поехал в Казахстан вторым секретарем республиканского ЦК – поднимать целину.

Никита Сергеевич вернул Леонида Ильича на крупную партийную работу, вновь открыл ему дорогу вверх. Брежнев был благодарен и демонстрировал свою признательность Никите Сергеевичу. На протяжении почти десяти лет он воспринимался как хрущевский человек. Первым секретарем в Алма-Ату послали бывшего первого секретаря ЦК компартии Белоруссии Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко. Но его вскоре отправили послом в Польшу, Леонид Ильич стал хозяином республики.

На целине Брежнев много работал, засиживался в ЦК за полночь. Постоянно ездил по республике. Михаил Андреевич Жихарев, который в те годы работал в сельхозотделе ЦК компартии Казахстана, вспоминает, что однажды Леонида Ильича ночью из Семипалатинска отправили в Алма-Ату в больницу. Ему стало плохо, закружилась голова, он потерял сознание и упал. Когда вернулся на работу, объяснил, что ездил по области и три ночи не спал. В другой раз ему стало плохо в Целинограде. Очнулся на носилках.

«В те годы, – рассказывал секретарь Уральского обкома компартии Казахстана Юрий Александрович Булюбаш, – это был в высшей степени культурный человек. Даже в неофициальной обстановке не выносил грубости и невежества. И с юмором у него было все в порядке, любил рассказывать анекдоты. Всегда одетый с иголки. Неряхам мог заметить: «Ну и чухонцы вы!» Я других настолько открытых и простых политических деятелей не знаю».

В Алма-Ате Брежнев сблизился с Динмухамедом Ахмедовичем Кунаевым, которого друзья для простоты называли Димашем. Брежнев всегда будет поддерживать Кунаева, а тот станет его надежной опорой в политбюро.

На XX съезде партии в феврале 1956 года Брежнев выступал как руководитель партийной организации Казахстана. Но после съезда в Алма-Ату не вернулся. На организационном пленуме ЦК, 27 февраля, Брежнева вновь, как и в 1952 году, избрали кандидатом в члены президиума и секретарем ЦК. Хрущеву был нужен верный человек.

Леонид Ильич вернулся туда, откуда его изгнали четыре года назад. Он вновь принадлежал к высшему руководству страны. Когда Брежнева избрали секретарем ЦК, Аверкий Борисович Аристов, который тоже вошел в состав высшего руководства и ведал силовыми структурами, принес его досье, и они его вместе сожгли. Леонид Ильич был счастлив. Он решительно бросился на защиту Хрущева, когда летом 1957 года Молотов, Маленков, Каганович и Булганин решили свергнуть Никиту Сергеевича.

Хрущев поручил Брежневу важнейшие вопросы: военную промышленность, ракетостроение и космонавтику. Леонид Ильич сумел установить правильные отношения с генеральными конструкторами ракетно-космических систем, у каждого из которых был сложный характер. В случае несогласия с Брежневым они могли обратиться и к Хрущеву. Но они приняли Леонида Ильича, считали его своим представителем при Хрущеве.

Леонида Ильича и попросили о помощи главные создатели советского ядерного оружия – академики Юлий Борисович Харитон и Андрей Дмитриевич Сахаров. Они были обеспокоены тем, что готовится неправильное, с их точки зрения, постановление правительства.

«Брежнев, – рассказывал академик Сахаров, – принял нас в своем новом маленьком кабинете в том же здании, где когда-то я видел Берию».

Когда появились академики, Брежнев воскликнул:

– А, бомбовики пришли!

Леонид Ильич весело рассказал, что его отец считал тех, кто создает новые средства уничтожения людей, главными злодеями и говорил: надо бы этих злодеев вывести на большую гору, чтобы все видели, и повесить.

– Теперь, – заметил Брежнев, – я и сам занимаюсь этим черным делом, как и вы, и тоже с благой целью.

Он внимательно выслушал академиков, что-то записал в блок-нот и резюмировал:

– Я вас вполне понял и посоветуюсь с товарищами. Вы узнаете о решении.

Он прислушался к академикам. Постановление Совета министров не было принято...

4 мая 1960 года Хрущев произвел большие перестановки в высшем руководстве. Леонид Ильич стал председателем президиума Верховного Совета СССР. Новое назначение стало повышением, хотя сама должность была безвластной. Все решения принимались на заседаниях президиума ЦК, Верховный Совет лишь их оформлял.

Но председательство придало Брежневу известности в стране, его фотографии стали появляться в газетах и кинохронике рядом с Хрущевым. Ему нравилось вручать ордена, поздравлять, устраивать приемы. Леонид Ильич гордился тем, что вручал Золотую звезду Героя Юрию Гагарину, космонавту номер один.

Леонид Ильич получил возможность ездить за границу, где его принимали со всеми почестями. Он с удовольствием позировал фотокорреспондентам и операторам кинохроники. Он стал получать иностранные награды: «Орден Независимости» Республики Гвинея, «Звезду Индонезии» 1-го класса, «Звезду Югославии» 1-й степени.

Помощник Брежнева по международным делам Андрей Александров-Агентов вспоминал, что в декабре 1961 года Леонид Ильич три недели ездил по Индии. Каждый день с удовольствием выступал, произнес двадцать одну речь. Все индийские газеты печатали его портреты и изложение выступлений. Брежнев не отказывался от возможности выступить. Он актерствовал, играл на сцене. Хрущев, видя это, над ним подтрунивал (сам был актером). Брежневу доносили о замечаниях хозяина. Леонида Ильича они повергали в страх.

«Крупный, полнотелый, в цветущем состоянии», – таким его увидел Александр Исаевич Солженицын 17 декабря 1962 года на встрече руководителей партии и правительства с творческой интеллигенцией в особняке на Ленинских – (Воробьевых) горах.

В разгар встречи, писал Солженицын, Хрущев захотел показать залу понравившуюся ему картину подлинно советского художника:

«И произошел лучший номер всего совещания: тучного Брежнева, возвышенного рядом, Хрущев потыкал в плечо: «а ну-ка принеси». И Брежнев – а он был тогда председателем Президиума Верховного Совета, то есть президентом СССР – не просто встал, чтобы достойно сходить или кого-нибудь послать принести, но побежал – в позе и движениях, только по-лагерному описываемых, – на цырлах: не просто побежал, но трясся телесами, но мягкоступными переборами лап показывая свою особую готовность и услужливость, кажется – и руки растопырив.

А всего-то надо было вбежать в заднюю дверку и тут вскоре взять. Он тотчас и назад появился, с картиной, и все так же на медвежьих цырлах поднес Хрущеву, расплывшись чушковой ряжкой. Эпизод был такой яркий, что уже саму картину и к чему она – я не запомнил, не записал».

Несложно предположить, что такие унижительные эпизоды Брежнев тоже запоминал, ведя свой счет к Хрущеву. Но прирожденная жизнерадостность не мешала Леониду Ильичу наслаждаться высоким положением. Леонид Ильич, вполне возможно, так и занимал бы должность, которая ему так нравилась. Но вмешалась судьба. Фактически вторым секретарем ЦК был Фрол Романович Козлов. Он пользовался доверием Хрущева, держал в руках все нити

управления партийным аппаратом, контролировал Вооруженные силы, КГБ. В начале 1963 года Козлов тяжело заболел – его разбил паралич.

7 июня 1963 года на заседании президиума Хрущев вновь произвел кадровые изменения. Он решил сделать секретарем ЦК Брежнева и к нему в пару перевел из Киева на ту же роль Николая Викторовича Подгорного со словами:

– На Украине он хорошо справился.

Таким образом появились как бы два вторых секретаря ЦК. Это не понравилось Брежневу. Хрущев нарочно сделал их с Подгорным конкурентами, исходя из древнего правила сталкивать подчиненных. Однако же в данном случае проиграл. Леонид Ильич с Николаем Викторовичем больше боялись его самого, чем друг друга, поэтому довольно быстро объединились против первого секретаря.

В начале октября 1964 года член президиума и секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев во главе советской делегации приехал в Восточный Берлин, чтобы принять участие в праздновании пятидесятилетия ГДР. Советский посол Петр Андреевич Абрахимов устроил обед в честь высокого гостя, на который пригласил певицу Галину Павловну Вишневскую и виолончелиста Мстислава Леопольдовича Ростроповича.

Знаменитая пара лицезрела Брежнева в первый раз.

«Весь вечер я сидела рядом с ним, – вспоминала Вишневская, – и он, как любезный кавалер, всячески пытался развлечь меня, да и вообще был, что называется, в ударе.

Хорошо одетый черноволосый нестарый мужчина – ему тогда было пятьдесят семь лет – энергичный и очень общительный, компанейский. Щеголял знанием стихов, особенно Есенина:

*Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне...*

Прочитал его за весь вечер несколько раз – должно быть, очень любимое. Пил он не много, рассказывал анекдоты и даже стал петь смешные частушки, прищелкивая пятками, руками изображая балалайку, цокал языком и на вятском наречии пел довольно приятным голосом. И это не были – плоские потуги, нет, это было артистично и талантливо. Кто-то из присутствующих провозгласил тост:

– Леонид Ильич, за вас!

– Нет, что там за меня пить, мы выпьем за артистов. Что такое политики – сегодня мы есть, а завтра нас нет. Искусство же – вечно. Выпьем за артистов!

Потом попросил меня спеть что-нибудь, и я спела песню Любаши из «Царской невесты». Я его рассматривала тогда без пристрастия, не предполагая, какой пост он займет в государстве. И мне, и Славе было приятно в тот вечер быть в его обществе...»

Через несколько дней Леонид Брежнев стал первым секретарем ЦК КПСС. Удивились не только Галина Вишневская и Мстислав Ростропович, но и многие люди, близко знавшие Брежнева. Он казался неподходящей фигурой на роль первого человека в стране.

На вершине власти есть место только для одного

Леониду Ильичу Брежневу не хватало образования, но он был искушенным политическим бойцом и мастером аппаратной интриги. Его недооценили. У Брежнева было чутье на людей. Он четко представлял, кто за него, а кто против. Это он точно знал. Ему понадобилось несколько лет на то, чтобы оставить в политбюро только тех, на кого он мог полностью положиться.

В апреле 1973 года на пленуме ЦК соратники приступили к созданию культа Брежнева. Начало положил Николай Подгорный, который неустанно восхвалял генерального секретаря. И зал трижды взрывался аплодисментами. Но важнее всего было выступление Суслова, который произнес льстивые слова насчет «генерального секретаря ЦК нашей партии товарища Леонида Ильича Брежнева». И в резолюции пленума ЦК впервые записали: «под руководством Центрального комитета нашей ленинской партии, его Политбюро и лично товарища Леонида Ильича Брежнева». Это положило начало безудержному восхвалению Брежнева.

С той поры ни одно собрание – от пленума ЦК до рядового партсобрании – не обходилось без славословий в адрес Брежнева. А Леонид Ильич, который до того подтрунивал над Михаилом Андреевичем, проникся к нему полнейшим доверием. И другим членам политбюро не с руки было возражать против решений Леонида Ильича, хотя еще оставались люди, которые не привыкли со всем соглашаться: Шелепин, Воронов, Косыгин. Иногда высказывал особое мнение Подгорный.

Прощание с «Железным Шуриком»

После отставки Хрущева осведомленные и весьма близкие к высшей власти люди уверенно говорили, что Леонид Ильич Брежнев – фигура слабая и временная и скоро его сменит Александр Николаевич Шелепин. Его имя гремело. Шелепин был моложе и энергичнее Брежнева. И в нашей стране, и за рубежом многие были уверены, что он вот-вот станет главой государства.

Зять Хрущева Алексей Иванович Аджубей говорил друзьям:

– Скоро все переменится. Леня долго не усидит, придет Саша Шелепин.

«Шелепин ни в грош не ставил Брежнева, – вспоминал Аджубей. – Да тот по силе характера не годился и в подметки Шелепину, «Железному Шурику», как называли его в ближайшем окружении... Многие обещали Шелепину победу в предстоящей схватке с Брежневым. Он к ней готовился. Однако не учел, что силу ломит не только сила, но и хитрость. И тут ему было далеко до Брежнева».

Александр Шелепин приехал в Москву худеньким школьником поступать в институт и сделал фантастическую карьеру. Он много лет руководил комсомолом, был председателем КГБ. Хрущев сосредоточил в его руках огромную власть, когда сделал секретарем ЦК, заместителем председателя Совета министров и председателем Комитета партийно-государственного контроля. Такой набор должностей превратил Шелепина в одного из самых влиятельных в стране людей.

Структура Комитета партийно-государственного контроля дублировала правительство и аппарат ЦК. Комитет мог самостоятельно проводить расследования, наказывать провинившихся и передавать дела в прокуратуру и суд. Причем эта структура в силу двойного подчинения – и правительству, и ЦК партии – выходила из-под контроля аппарата. Комитет Шелепина получил право проверять деятельность силовых органов – КГБ, МВД и Вооруженных сил. Это создавало ему совершенно особое положение в системе власти. Но симпатий со стороны товарищей по партийному руководству это не прибавляло.

Шелепин вспоминал позднее, что после пленума, на котором Хрущева отправили на пенсию, члены президиума ЦК собрались с ним попрощаться. Все стояли. Никита Сергеевич всех обошел, пожимал руку. Когда подошел к Шелепину, вдруг сказал:

– Поверьте, что с вами они поступят еще хуже, чем со мной...

Александр Николаевич тогда, наверное, только усмехнулся. Но опытный Никита Сергеевич не ошибся. Слова оказались пророческими...

За годы работы в комсомоле Шелепин вырастил целое поколение руководителей областного, республиканского уровня. Они стали секретарями обкомов, заместителями министров. По всей стране, в каждой области были выходцы из комсомола, уважительно относившиеся к Шелепину. Молодая часть партийного и государственного аппарата ему симпатизировала. Птенцы гнезда Шелепина, выходцы из комсомола, занимали важнейшие должности в стране. Госбезопасность, Министерство внутренних дел, телевидение, ТАСС – везде сидели друзья Шелепина.

В своем кругу приятели откровенно говорили, что Брежнев не годится в лидеры государства и что именно Шелепин должен стать первым секретарем. «Комсомолята» с гордостью произносили: вот у нас растет «Железный Шурик», он и сменит Брежнева.

Но у Брежнева была завидная биография: работал на заводе, воевал, прошел целину, был первым секретарем обкома, первым секретарем в Молдавии, в Казахстане. Он наладил хорошие отношения с военными и промышленниками. Это имело значение. А у Шелепина в послужном списке – комсомол, КГБ и Комитет партийно-государственного контроля. Это не те должности, которые прибавляют друзей. Шелепин был человеком с характером: строгий, по

долгу службы суровый. А рядом улыбающийся симпатичный Леонид Брежнев, который умел ладить с людьми.

Леонид Ильич видел, что должность председателя Комитета партийно-государственного контроля дает Шелепину слишком большую власть, и ловким ходом предложил этот комитет расформировать. Александр Николаевич утратил полномочия, которые фактически делали его вторым по влиянию человеком в президиуме ЦК. Но еще казалось, что Шелепин – ключевой человек в партийном аппарате.

– Я пришел на работу в ЦК в шестьдесят шестом году, – рассказывал Наиль Бариевич Биккенин, который со временем стал главным редактором журнала «Коммунист». – Тогда еще окончательно не было определено, кто же станет лидером – Брежнев или Шелепин. Это я сразу почувствовал: любой первый секретарь обкома, приходивший к Шелепину, обязательно шел и к Брежневу. И наоборот.

Леонид Ильич и его опытные сподвижники оказались хитрее в политике, чем Александр Николаевич и его молодые друзья...

19 мая 1967 года на заседании политбюро Владимира Ефимовича Семичастного, близкого товарища Шелепина, освободили от должности председателя КГБ. Брежнев избавился от человека, которого не хотел видеть рядом с собой. Семичастного вообще убрали из Москвы – отправили работать в Киев. Это была бессрочная ссылка.

Политическая карьера Семичастного закончилась, когда ему было всего сорок три года. Другие в этом возрасте еще стоят у подножия олимпа и зачарованно смотрят вверх. Конечно, он не верил, что все кончено и назад возврата нет. Думал, что все переменится и он сможет вернуться. Тем более что он был моложе сменявших друг друга генсеков и членов политбюро. Но путь в Москву ему был закрыт.

Брежнев методично отодвигал Шелепина и дискредитировал его команду. Пошли разговоры о том, что комсомольцы пытаются захватить власть в стране, в партии. Леонид Ильич был внешне доброжелателен, но с особой брежневской хитростью всех разогнал. Устранением Шелепина и его команды занималось умелое брежневское окружение. Человек тридцать-сорок из окружения Шелепина разослали кого куда, большей частью послами в малозначимые и далекие государства.

В апреле шестьдесят седьмого перестал быть генеральным директором ТАСС Дмитрий Петрович Горюнов. Доброхоты советовали ему пореже встречаться с бывшими товарищами по комсомолу. Дмитрий Горюнов не прислушался и поехал послом в Кению.

Распустили отдел международной информации ЦК, которым руководил Дмитрий Петрович Шевлягин, потому что в его составе было много комсомольцев. В 1968 году его перевели в МИД и отправили послом в Алжир. На следующий год Шевлягин скончался в возрасте пятидесяти шести лет.

Первый председатель правления Агентства печати «Новости», бывший член бюро ЦК ВЛКСМ и главный редактор «Комсомольской правды» военных лет Борис Сергеевич Бурков тоже считался близким к Шелепину человеком. – Борис Бурков пытался попасть в брежневский круг, пробиться к Леониду Ильичу, но безуспешно. Его убрали из АПН, которое превратилось в огромное пропаганди-стское ведом-ство. Место председателя занял Иван Иванович Удальцов, который был советником-посланником в посольстве Чехо-словакии во время подавления «пражской весны», требовал введения советских войск и получил повышение.

«Иван Иванович Удальцов, – свидетельствовал его заместитель Карэн Арменович Хачатуров, – был не просто ретроград, но воинствующий, стремившийся довести свои убеждения до каждого. Перетряхнув кадры, Удальцов ключевые должности заполнил инструкторами различных отделов ЦК, в большинстве своем способными только помыкать подведомственными им организациями».

Председатель Гостелерадио Николай Николаевич Месяцев (бывший секретарь ЦК комсомола) кому-то сказал про члена политбюро Кириленко, что у того всегда пустой стол и он сам с собой от скуки в крестики-нолики играет. Андрею Павловичу немедленно донесли, это стало последней каплей. В апреле 1970 года Месяцев вернулся из командировки в Хабаровск. Встречавший его в аэропорту генеральный директор Центрального телевидения Петр Ильич Шабанов, тоже в прошлом комсомольский работник, отвел председателя в сторону и предупредил: вас только что освободили от должности. Месяцева отправили послом в Австралию.

В Гостелерадио Месяцева сменил Сергей Георгиевич Лапин, человек с богатой биографией, очень консервативными убеждениями и едким юмором. Он окончил два курса Ленинградского историко-лингвистического института и пошел работать в «Винницкую правду». В 1942 году, когда другие во-евали, его взяли в ЦК, и он пошел в гору. После смерти Сталина Лапина перевели в Министерство иностранных дел.

«Лапина все дружно ненавидели, – вспоминает мэтр отечественного телевидения Анатолий Григорьевич Лысенко. – Возможно, то, как он выглядел, играло какую-то роль: он был маленького роста с неправильной фигурой и короткими ножками. У меня сложилось ощущение, что ботинки он покупал в «Детском мире». Мятое, немножко скопческое лицо, рыжеватые реденькие волосы, негромкий голос...

При этом он был умным, трезвым, взвешенным и знающим. Все его замечания были очень точны. Он все видел. И наверное, от этого был злобен: он понимал, что его не любят... При мне Лапин часа полтора читал Анненкова, Цветаеву, Мандельштама, и как читал! Но он ни за что в жизни не выпустил бы эти стихи в эфир! Он превосходно знал джазовую музыку, но никогда не дал бы послушать ее зрителям. Это страшная фигура...»

Брежнев полностью доверял Лапину. Сергей Георгиевич этим пользовался и наиболее важные разговоры начинал такой фразой:

– Я вчера обедал с Леонидом Ильичом...

После этого возражать Лапину решался только тот, кто завтракал или ужинал с генеральным секретарем.

Руководителем ТАСС стал еще один доверенный человек Брежнева – Леонид Митрофанович Замятин.

– ТАСС, – сказал Леонид Ильич своему тезке, – это то, что дает нам информацию. Я хочу, чтобы ты отбирал информацию, чтобы я первым узнавал, что происходит...

Иначе говоря, генеральный секретарь ЦК КПСС хотел, чтобы главный источник информации о положении в стране и мире был в руках лично ему преданного человека.

Александр Николаевич Шелепин совершил тактическую ошибку, настроив против себя других членов политбюро ЦК.

Владимир Семичастный вспоминал:

– Шелепин не брал себе охраны. Брежнев меня спросил: почему Шелепин без охраны ездит? Я говорю: он же отказывается от охраны. Пусть скажет, я ему завтра хоть взвод поставлю. Тут Шелепин встает и говорит: «Леонид Ильич, а зачем нас охранять? Я считаю, что нужно охранять три первых лица – первого секретаря, председателя президиума Верховного Совета и главу правительства. А нас-то чего охранять? От кого?»

Шелепин, даже когда был председателем КГБ, ходил без охраны. Его товарищи стыдили:

– У тебя же полный портфель государственных секретов. Шелепин выступил против «иконостасов». Сказал, что ему стыдно, когда во время демонстрации он стоит на мавзолее, а рабочие несут его портрет. Зачем повсюду выставлять портреты вождей?

Члены политбюро замолкли. Но тут вмешался многоопытный секретарь ЦК Суслов, ведавший идеологией:

– Это традиция такая. В этом проявляется авторитет партии. Нас не поймут, если отменим.

На этом обсуждение вопроса закончилось. Шелепин раздражал товарищей по партийному руководству разговорами о том, что члены политбюро оторвались от масс. Кому такое понравится? Крайне щепетильный, он не делал себе никаких поблажек. За все платил.

– Он переезжал с квартиры на квартиру, – рассказывал его друг еще со школьных лет Валерий Иннокентьевич Харазов. – Однажды ему сделали ремонт. Шелепин спросил, сколько это стоит. Ему принесли документы. Он их просмотрел и попросил помощника заплатить. Об этом узнали коллеги. Не бывало еще такого! Члены политбюро обиделись: в какое положение их поставил Шелепин! Что же, и им теперь за все платить? Не привыкли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.